

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

О. В. Барашкова¹

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

А. В. Бузгалин²

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

М. Ю. Павлов³

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

И. В. Филатов⁴

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

УДК: 330.8

А. И. МОСКОВСКИЙ: ОБ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМЕ⁵

Статья раскрывает актуальность наследия одного из наиболее значимых российских исследователей последних десятилетий в области теории и методологии классического институционализма — кандидата экономических наук, доцента Александра Ивановича Московского, долгие годы работавшего на кафедре политической экономии экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. В статье показаны оригинальные идеи А. И. Московского по проблемам соотношения классической политической экономии, других школ гетеродоксальной ветви экономической теории и неоклассики, методологии и теории классического институционализма. Особое внимание уделено исследованиям А. И. Московского по проблемам взаимосвязи прогресса технологий, экономических и социальных процессов, а также содержания и роли труда.

В статье отражено, что А. И. Московский был среди первых и наиболее глубоких исследователей, которые не только подвергли критике процессы деиндустриализации, но и показали важность ориентации на реиндустриализацию экономики, продемонстрировав (на основе использования методологии классического институционализма и современного марксизма), что важнейшими средствами решения этой за-

¹ Барашкова Ольга Владимировна — к.э.н., старший научный сотрудник, Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: olga_barashkova@mail.ru, ORCID: 0000-0001-6632-1884.

² Бузгалин Александр Владимирович — д.э.н., профессор кафедры политической экономии, Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: buzgalin@mail.ru, ORCID: 0000-0003-3923-8385.

³ Павлов Михаил Юрьевич — к.э.н., доцент, Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: ltm@mail.ru, ORCID: 0000-0001-7416-0558.

⁴ Филатов Илья Владимирович — к.э.н., доцент, Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: filatov@econ.msu.ru, ORCID: 0000-0002-1148-7147.

⁵ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-010-43007/21.

дачи могут стать стратегическое планирование и активная промышленная политика. Индустриальная эпоха, на протяжении которой огромные предприятия были основными институтами поддержания социального порядка, не подходит к концу. Это отражается и на сфере занятости и характере труда. При этом ученый не отрицал, что постиндустриальное общество ныне все чаще характеризуют как «общество знаний», в котором знания и информация становятся ключевым ресурсом технологического, экономического и социального развития. Важный момент связан с анализом А. И. Московским изменения способов и форм управления квалифицированными рабочими в условиях нарастания сложности и наукоемкости труда. Раскрыт вклад А. И. Московского в политическую экономию. Статья включает краткий рассказ об основных вехах научной биографии ученого.

Ключевые слова: институционализм, технология, гетеродоксальная теория, политическая экономия, марксизм.

Цитировать статью: Барашкова, О. В., Бузгалин, А. В., Павлов, М. Ю., & Филатов, И. В. (2022). А. И. Московский: об институционализме. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, (6), 251–271. <https://doi.org/10.38050/013001052022611>.

O. V. Barashkova

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

A. V. Buzgalin

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

M. Yu. Pavlov

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

I. V. Filatov

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

JEL: B52, O10, O30

ALEKSANDR I. MOSKOVSKIY: ON INSTITUTIONALISM¹

The article provides an overview and assessment of the legacy of most significant Russian researcher of the past decades in the field of theory and methodology of classical institutionalism — candidate of science in economics, associate professor Alexander Ivanovich Moskovskiy, who worked for many years at the Department of Political Economy at Lomonosov MSU Faculty of Economics. The article shows the original ideas of A. I. Moskovskiy on the correlation of classical political economy, other schools of the heterodox branch of economic theory and neoclassical, methodology and theory of classical institutionalism. Special attention is paid to the research of A. I. Moskovskiy on the relationship between the technological progress, socio-economic processes, as well as the content and role of labor. The article reveals that A. I. Moskovskiy is among the first and most profound researchers who not only criticized the processes of deindustrialization but showed the importance of focusing on re-

¹ The research was funded by RFBR, project number 21-010-43007/21.

industrialization of the economy, showing (based on classical institutionalism and modern Marxism methodology) that strategic planning and active industrial policy can become the most important means to solve this problem. The industrial era, during which huge enterprises were the main institutions for maintaining social order, is not coming to an end; that affects employment and the nature of work. At the same time, the scholar did not deny that post-industrial society is now increasingly characterized as a “knowledge society”, in which knowledge and information become a key resource for technological, economic, and social development. An important point relates to the analysis of A. I. Moskovskiy changes in the methods and forms of managing skilled workers in conditions of increasing complexity and knowledge-intensive labor.

Keywords: institutionalism, technology, heterodox theory, political economy, marxism.

To cite this document: Barashkova, O. V., Buzgalin, A. V., Pavlov, M. Yu., & Filatov, I. V. (2022). Aleksandr I. Moskovskiy: on institutionalism. *Moscow University Economic Bulletin*, (6), 251–271. <https://doi.org/10.38050/013001052022611>.

Современная экономическая наука характеризуется доминированием так называемого «основного течения» экономической науки, одним из важнейших компонентов которого является новый институционализм, в определенных своих аспектах выходящий за рамки мейнстрима. Классический институционализм в последние десятилетия относительно менее популярен и в академических исследованиях, и в образовательном процессе. Между тем практики нынешнего века свидетельствуют о глубоких трансформациях, которые происходят именно в тех сферах, которые наиболее активно исследует классический институционализм: начинающаяся революция в технологиях, глубокие сдвиги в организации и функциях корпораций и государства, формирование новых социальных слоев и т.п. В этих условиях обращение к теории и методологии классического институционализма становится особо актуальным и с практической, и с теоретической точек зрения.

В данной статье мы хотели бы остановиться только на одном аспекте комплексной проблемы использования методологии и теории классического институционализма — актуальности наследия одного из наиболее значимых российских исследователей этого направления — А. И. Московского. Это и станет основным *предметом* данного текста. *Методология* же и *логика* данной работы будет, что в данном случае естественно, базироваться на подходах исследуемого нами направления. Мы остановимся прежде всего на том, как А. И. Московский видел соотношение гетеродоксальной экономической теории и, прежде всего, классического институционализма, с одной стороны, и «основного течения», — с другой, а затем рассмотрим видение проблем технологий, труда и других аспектов классического институционального наследия и методологии, содержащихся в работах ученого.

Классический институционализм в зеркале российской экономической науки

В отечественной экономической науке классический институционализм был предметом внимания еще в советский период. Достаточно упомянуть, что фундаментальная работа одного из наиболее значимых представителей этого направления — Джона Кеннета Гэлбрейта «Новое индустриальное общество» была переведена на русский язык и издана большим тиражом через несколько лет после ее выхода в свет и получила широкий резонанс (Гэлбрейт, 1969; 2008).

А. И. Московский следует логике Гэлбрейта, утверждая, что «институционализм — не случайный эпизод в истории экономической мысли, а постоянный компонент мышления любого экономиста, если он не ограничивает возможности своего понимания реальности теми жесткими и узкими ограничениями своей мысли, которые утвердились в неоклассической теории с 30-х годов XX века, — методологический индивидуализм, ограниченность ресурсов, рациональный максимизирующий выбор, статичность анализа».

Институциональный взгляд на экономику — это не особенность какой-то отдельной «еретической» (очень часто в западной экономической литературе теоретические направления, оппонирующие мейнстриму, называют «heterodox economics») школы экономической мысли, а свойство мысли любого экономиста, который пытается понять природу вещей, экономический порядок, содержание и направление исторического процесса.

Если иметь в виду собственно экономические направления, институционализм преемственен методологическому холизму классической политической экономии и историзму немецкой экономической школы, одновременно «формируясь критикой или своей оппозицией к развивающемуся неоклассическому направлению» (Московский, 2002, с. 12).

Один из ведущих политэкономов советской эпохи профессор Н. А. Цаголов, редактор вышедшего на многих языках мира двухтомного «Курса политической экономии» (Цаголов, 1973), называл Гэлбрейта одним из наиболее выдающихся ученых-экономистов XX в., считая его влияние на экономическую теорию сравнимым с наследием Дж. М. Кейнса. Работы представителей институционализма изучались студентами экономических факультетов советских университетов как обязательная литература и вопросы по американскому институционализму входили в программу экзаменов по обязательным курсам (идеи Т. Веблена, Дж. Коммонса, У. Митчелла).

После перехода к рыночной экономике внимание к классическому институционализму, как ни парадоксально, ослабло. При этом (и это еще один парадокс) многие из ведущих ученых-экономистов постсоветской России использовали методологию и теоретические подходы этого

направления, редко, однако, активно подчеркивая эти фундаменты. Это относится, в частности, к работам широкого круга авторов, исследовавших влияние технологий на экономическое развитие (Львов, 1990; Глазьев, 1990; Нуреев, 2001).

Широко использовались в отечественных исследованиях такие развивавшиеся в рамках классического институционализма вопросы, как особая роль технократии, противоречие двух подсистем современной экономики — рыночной и планирующей, теории конвергенции, перехода к «обществу изобилия» и многие другие.

О важности интеграции традиционного институционализма и классической, в первую очередь, марксистской политической экономии, писал выдающийся российский экономист В. Т. Рязанов (Рязанов, 2017) и ряд других ученых. Активно использует методологию классического институционализма теоретик нового индустриального общества второго поколения и ноономики С. Д. Бодрунов, инициировавший подготовку ставшей знаковой для последних лет работы «Гэлбрейт. Возвращение» и ставший ее научным редактором (Бодрунов, 2017).

Однако как основной метод и теоретический фундамент исследований классический институционализм был акцентирован в современной российской экономической науке прежде всего двумя акторами — школой профессора О. В. Иншакова (Иншаков и др., 2005) и исследованиями А. И. Московского. К анализу роли и значения работ последнего мы и обратимся ниже.

«Основное течение» экономической науки, методология политической экономии и классического институционализма

Характеризуя исследование А. И. Московским вопросов соотношения основного течения экономической науки и гетеродоксальных теорий, следует подчеркнуть три важнейших аспекта.

Первый — акцент на том, что классический институционализм развивался и развивается как важное слагаемое гетеродоксальной экономической теории. Этот момент А. И. Московский сформулировал в присущей ему манере следующим образом: «Сегодня институционализм традиционный стоит в ряду так называемых “Heterodox economics” — “еретических экономикс”, к числу которых относят обычно марксизм, посткейнсианство, радикальную политическую экономию, феминистскую экономию. Все они объединены прежде всего тем, что стоят в оппозиции к неоклассическому мейнстриму и выступают с довольно иногда резкой его критикой» (Московский, 2002).

При этом ученый постоянно подчеркивает значение гетеродоксии как пространства экономической науки, вне которого будут бесплодны

теоретические исследования наиболее фундаментальных, глубоких проблем современности и будут как минимум неполны рекомендации экономической теории для хозяйственной практики. Институционализм рассматривался им как закономерное творческое развитие марксистской политической экономии и исторической школы и одновременно конструктивная критика неоклассики: «Если иметь в виду собственно экономические направления, институционализм наследовал классической политической экономии и историзму немецкой экономической школы, одновременно формируясь критикой или своей оппозицией к развивающемуся неоклассическому направлению» (Бузгалин и др., 2012, с. 5).

Второй важный аспект наследия А. И. Московского — рассмотрение институтов как атрибута любого экономического исследования, пусть даже и не подчеркивающего значение этого понятия. Здесь необходимо отметить, что институциональный подход к исследованию экономики является не специфической, исторически преходящей особенностью отдельного направления «еретической» гетеродоксальной экономической мысли, а напротив, это широкая, универсальная характеристика мышления всякого экономиста, пытающегося проникнуть в самую суть явлений, определить векторы их исторического развития, исследовать не форму, а содержание.

При этом А. И. Московский неустанно проводит различие классического (называемого иногда еще и «старым») и нового институционализма, который в последние десятилетия стал быстро развиваться, вытесняя своего «старшего» коллегу. Как отметил ученый, мода на неоклассику трансформируется в моду на институционализм, но в его «новой» разновидности. Последний, так же как и неоклассика, видит существующие экономические отношения под определенными — акцентирующими внешние, доступные наблюдателю — правилами игры. Отсюда определенная мифологизация, которую также отмечает автор (Московский, 2006).

Третий аспект, который мы хотели бы подчеркнуть, состоит в том, что А. И. Московский всегда отстаивал выверенную, взвешенную позицию. Он много и аргументированно критиковал неоклассику, но основное течение, системообразующей характеристикой которого является так называемое «жесткое ядро» микроэкономического анализа как фундамент всех последующих исследований, никогда не рассматривалось Московским как некое ненаучное, подлежащее ostracismu и исключению из числа научных направлений. Эти методологические предпосылки позволили провести оригинальное исследование таких, остающихся, к сожалению, зачастую вне поля главного внимания экономистов, пространств как технологий, производство и труд.

В экономической теории существует не единственный подход, а целый набор разнородных, иногда взаимодействующих, но чаще конкурирующих, оппонирующих и противостоящих друг другу подходов, идей и течений. Методологии некоторых из них, таких как марксизм, было

посвящено немало работ в советские времена. Но исследование других направлений, а тем более исследование современной экономико-методологической мысли недостаточно представлено как в российской, так и зарубежной литературе. Среди основных традиций, сформировавших язык, понятийный аппарат и его применение для постановки задач и определения способов их решения в методологии экономической мысли, как уже было отмечено, можно выделить метод, развитый К. Марксом в его «Капитале»; британского классического направления политической экономии, впоследствии частично, фрагментарно продолженный в рамках направления «экономикс»; немецкой исторической школы и ее акцентов на конкретно-историческом, противостоящем внеисторическому абстрактному методу, а также доктрины понимания (нем. *Verstehen*).

Основные методологические традиции в истории экономики, несомненно, наложили отпечаток на исследования А. И. Московского, особенно это касается языка, терминологии, в известной степени — проблематики. Их также нельзя было рассматривать как некие застывшие схемы. И в этом важная заслуга А. И. Московского — рассмотрение методологических концепций как живых, развивающихся. Более того, несоответствие методологических оснований «мейнстрима» реальной действительности, выразившееся, в частности, в неспособности предсказать такие явления, как глобальный кризис 2007–2009 гг., повышают ценность альтернативных «основному течению» методологических доктрин — таких как априоризм австрийской школы, и, особенно, диалектический метод, присущий марксизму, несмотря на преобладание позитивистского направления в современном англоязычном мире, пытавшегося и пытающегося распространить свое представление о соотношении теории и фактов на всю экономическую теорию, но тем самым лишь провоцирующим всё больше методологических дискуссий о соответствии или несоответствии теории реальной действительности.

Представители позитивистского направления в экономической науке провозглашали приоритет эмпирического знания как самоценности и высшей цели научного исследования. Классический позитивизм возник на определенном историческом этапе развития, когда механистический подход к анализу произвел революцию в естественных науках, и его триумф не остался незамеченным и в науках гуманитарных. Однако впоследствии быстрый прогресс в технике и технологиях, большое количество изобретений и новых разработок привели к необходимости пересмотреть механистические принципы и во многом отказаться от них; реакция гуманитарных наук была не столь однозначна, поскольку именно механистический подход открыл перспективы широкого использования инструментов математических методов в них.

В огромной степени это повлияло и на экономические концепции: одни исследователи делали акцент на гуманитарной составляющей, под-

черкивая, что в экономике нет ничего, кроме взаимодействия между людьми (что, прежде всего, характерно для институционального подхода), а другие — на математических моделях (что, в первую очередь, характерно для экономикса), считая, что экономическое исследование не представляет ценности, если в нем не построена математическая модель.

Соответственно, гипотезы в экономических исследованиях, по мнению Московского, можно разделить на три основные группы, позволяющие выразить *differenza specifica* (специфические отличия) различных направлений экономической теории:

- 1) математические, формализующие экономическую теорию (в основном представленные непрерывными, чаще всего линейными или сводимыми к линейным, функциями);
- 2) семантические, задающие схематические контуры и границы (способными акцентировать как сущность, так и видимость, когда «кажется то, что есть на самом деле, в частности, слово «работодатель» делает социально значимым экономического агента, на самом деле являющегося «работополучателем»...);
- 3) выражающие специальные научные идеи, определяемые как наиболее важные.

Позитивисты (М. Алле, Дж. Ст. Милль, П. Самуэльсон, М. Фридмен и др.) квалифицировали экономические гипотезы в качестве вспомогательных средств, как инструментальную составляющую познания — как в форме обобщения, генерализации фактов экономической действительности, или как операциональную конструкцию, составленную из искусственных знаков-символов, претендующую на то, чтобы быть знанием, но, по утверждению Московского, получающую статус знания лишь тогда, когда она связана с сущностными данными и имеет прогнозную силу.

Очень интересна идея А. И. Московского относительно характера связи экономической теории и фактов: эмпирическая реальность состоит из конкретных фактов, а теория состоит из общих фундаментальных фактов. Таким образом, экономическая теория — это иная форма существования фактов. Различие между теорией и фактами состоит в мере генерализованности, соответственно — мере рефлексии, опосредования в процессе воспроизведения знания. В связи с этим ученый нередко задавал вопрос, который мы можем назвать «вопросом Московского»: «Вследствие этого или после этого?». В частности, принимаются ли те или иные экономические решения универсально, независимо от конкретного исторического устройства экономики или же под влиянием определенной экономической системы?

Важное значение в экономической теории имеют ее предпосылки. Логика научной абстракции должна основываться на корректных предпосылках, соответственно, А. И. Московский уделял особое внимание критике предпосылок, показывая, что теоретические допущения, абстрактные

экономические гипотезы неоклассического направления экономической теории носят характер тавтологии, когда в качестве вывода представляется тоже утверждение, которое служило предпосылкой и нередко несопоставимо с результатами наблюдений, поэтому проверка этих гипотез крайне затруднительна, если вообще осуществима.

Значимый вклад А. И. Московский внес и в дискуссию о методологическом принципе «фальсифицируемости», выдвинутом К. Поппером и широко распространенном в экономических дискуссиях благодаря дискуссионным откликам на него таких теоретиков, как Т. Кун и И. Лакатос (или Лакатош в другом варианте написания фамилии). Московский в своих работах не раз кратко, но емко критически отзывался о некоторых проблемах современной философии науки применительно к экономической науке, в частности, об использовании принципа фальсифицируемости (опровержимости), требующего соблюдения малореалистичных предпосылок — «изолированности» теории, теоретических утверждений, что вообще не свойственно традициям западной науки, нацеленной на формулирование теории в творческом диалоге, который, конечно же, несет на себе отпечаток культуры того или иного времени и пространства, кроме того, требующем наличия сведений о реальности, носящих абсолютно непроблематичный характер, согласно К. Попперу. Экономисты в ту эпоху возвели принцип фальсифицируемости в своего рода норму, носящую риторический характер — «методологическую норму», больше декларируемую как своего рода стандарт для высококачественного научного исследования, но лишь изредка вообще учитываемый при решении конкретных задач, стоящих перед исследователем. Однако любые теоретические построения на самом деле зависят от теоретических предпосылок, поэтому Московский пришел к выводам, что «изолированность» теории недостижима для экономиста-исследователя, как и изучение ничем не опосредованных фактов.

А. И. Московский обратил особое внимание на постулат рациональности — всегда ли он действует, и действует ли он именно так, как описывается в моделях, таким образом, предвосхитив поведенческую экономику. Московский утверждает, что принцип рациональности экономического выбора на самом деле не верифицируем ни эмпирически, ни психологически, поскольку экономист-исследователь не может сопоставлять неизбежно подвергшиеся определенной интерпретации, видению конкретные факты, цели, различающиеся в зависимости от конкретной ситуации, в которой принимал решение рационально мыслящий экономический человек. Наблюдатель экономических явлений не способен не внести свою собственную теоретическую «нагрузку» и поэтому неизбежно превращает их в некую риторику, в которой смысл появляется нередко лишь после того, как делаются метафизические допущения. Ученый пришел к важному выводу относительно фальсифицируемости одного из важнейших

принципов неоклассики, характерного для модели *homo oeconomicus*, а именно — принципа рациональности: как априорный принцип он хотя и является фальсифицируемым, но, как отмечает Московский, это слабый теоретически принцип. Ведь принцип, сформулированный не на основе опыта, не на основе наблюдений, а лишь предполагаемый, умозрительный — не истинный принцип — либо неверен, либо на самом деле не может являться априорным: экономисты не могут при этом относиться непредвзято, намеренно подгоняя не к реальным ситуациям, а к неким идеальным объектам исследования, что не позволяет лучше постичь реальность, а напротив, скорее, удаляет от нее, превращая объективную реальность лишь в частный случай.

Являясь сторонником системного подхода, А. И. Московский видел сильной стороной дескриптивизма, сводящего гносеологическую функцию экономической науки к описанию, т.е. дескрипции, возможность предсказания (не менее важной другой функции экономической теории), реализуемую через описание, поскольку описание предполагает под собой взаимозависимость, взаимосвязь элементов той экономической системы, которая является объектом описания. Дескрипция широко используется в методологии классического институционализма; экономический анализ эволюции технологий в институционализме подразумевает предсказание как разновидность описания — дополняющего, косвенного.

«Несоизмеримость» и синтез экономических теорий

Насколько возможен концептуальный синтез? Соизмеримы экономические теории или нет? Этот вопрос, поставленный в такой абстрактной форме, может вызвать определенную путаницу: о каком синтезе или соизмеримости мы говорим? По-видимому, всегда можно сравнивать или «соизмерять» экономические концепции, в частности, определив какую-то общую основу для такого сопоставления: особенности эмпирической базы, используемые категории, уровень логической строгости и т.д. При этом каждое конкретное сравнение будет связано с определенными проблемами научного поиска, но вопрос о том, можно ли вообще сравнивать экономические теории, по мнению А. И. Московского, выглядел бы неправомерным.

Проблема, о которой идет речь, имеет особый философский смысл, который может быть прояснен, если рассмотреть действительные сложности согласования концепций в рамках различных исследовательских традиций. Синтезу марксистской политической экономии, неоклассической экономической теории и институционализму в отечественной научной литературе на рубеже столетий было посвящено немало работ. Можно привести, во-первых, некоторые материалы крупных конференций под единым названием «Концептуальные основания и пути развития

современной экономической теории», сборники статей ученых экономического факультета МГУ и других вузов «Капитал» и Экономикс. Вопросы методологии, теории и преподавания», затем целый ряд докладов на «Цаголовских чтениях». То есть проблемы синтеза и согласования теоретических традиций вполне интересовали научное сообщество экономистов. При этом важные достижения были сделаны при попытке выявить методологические основания теоретического синтеза.

Одна из основ синтеза виделась А. И. Московским в выявлении *предмета* основных направлений экономической теории, определения его действительного содержания и внутренней взаимосвязи с методом исследования (Московский, 1998, с. 94). Предмет неоклассики — узкий и ограниченный; охватывает лишь небольшую часть экономической реальности, связанной с ситуациями рыночной сделки. Неоклассическая теория рассматривает экономику в неизменных (статичных) условиях краткосрочного периода с заданным (ограниченным) набором факторов производства. Поэтому основанием возможного синтеза неоклассики и других направлений экономической теории, как представляется, может служить классическое представление об экономической реальности, которая трактуется гораздо шире неоклассического, включает сферы не только обмена, но и производства, по-своему определяющего отношения распределения и потребления (Московский, 1999, с. 78–79). С другой стороны, синтез марксизма и неоклассики возможен и необходим еще и потому, что объект исследования — един. Это реально функционирующая и развивающаяся экономика.

Несколько иное направление исследования А. И. Московским вопросов синтеза теорий связано с дискурсом, понимаемым как выявление и уточнение содержания основных терминов и понятий: института, труда, капитала, технологии, науки. При этом делался вывод, что разные экономические теории изучают части одной и той же экономической реальности, так что порой называют одни и те же явления разными именами или, наоборот, за одними категориями могут стоять разные феномены (Московский, 1998, с. 95). Однако действительные трудности сопоставления заставляют говорить, что внутри экономической науки существуют проблемы, которые делают актуальными размышления, с одной стороны, о научном реализме, а с другой, — о некоторых основаниях несоизмеримости экономических теорий.

В дискуссиях, которые так или иначе основывались на работах К. Поппера, Т. Куна, П. Фейерабенда, предполагалось, что теории, созданные в рамках разных «парадигм», конкурирующих исследовательских программ, заменяющих или противостоящих друг другу, хотя и описывают одни и те же экономические факты, «говорят на разных языках». Как кажется сторонникам принципа несоизмеримости, их нельзя ни непосредственно сравнивать, ни передавать с одного на другой. «Языки» конкури-

рующих концепций являются лингвистическими двойниками различных «миров». Экономист переходит из одного «мира» в другой не в результате какого-либо обдуманного, основанного на логике решения, а вследствие трансформации мировоззрения.

Если соизмерять «миры» различных теоретических направлений в экономике, то их можно интерпретировать в понятиях «предмета» (Московский, 1999, с. 73). Тогда проблема сопоставления теорий смещается в плоскость выявления специфических черт их предмета. Предмет неоклассической экономической теории и марксизма общий («действительно существующая экономическая реальность»); однако предмет неоклассики — более узкий, чем предмет марксизма или классической политэкономии; он ограничен сферой рационального выбора и рыночным обменом. Поэтому проблема несоизмеримости «миров» различных теорий считается ученым сильно преувеличенной. Всегда возможна дискуссия между сторонниками марксизма, институционализма и неоклассики, по крайней мере, в пределах общих элементов изучаемой экономической реальности (например, проблемы экономического равновесия так или иначе исследуется и марксизмом и неоклассической теорией). Взаимодействие между данными традициями положительно; оно, как заметил еще К. Поппер, ведет к расширению и совершенствованию собственного концептуального каркаса каждой теории (Поппер, 1983, с. 595).

Однако в развитии экономической науки есть отдельные аспекты, которые делают проблему несопоставимости «миров» теорий вполне правдоподобной. Так, в развитии классической теории стоимости возникла определенная пауза (продлившаяся до «сраффианской революции»), когда некоторое множество аномалий и противоречий стало привлекать внимание ученых. Развитие теории предельной полезности в известной степени дало новое толкование этих контрпримеров, помогло решить некоторые «старые» проблемы, а также породило иные исследовательские подходы и вопросы для дискуссий.

Вместе с тем, маржиналистская теория ценности с точки зрения аналитического инструментария почти полностью игнорировала успехи классической и марксистской теорий стоимости, а также, например, подходы к анализу ценообразования у институционалистов. Несмотря на то, что классическая теория стоимости и теория предельной полезности могли пересекаться, за исключением, быть может, А. Маршалла практически не наблюдалось попыток синтеза или примеров взаимного совершенствования концептуальных основ. Более того, даже когда происходило пересечение двух теорий, способы, которыми одна из них описывала некоторые факты, могли настолько отличаться от описания, предлагаемого другой, что даже понимание этих фактов становится иным. Эта критика основана на понимании отсутствия нейтрального «языка»: значение категорий определяется их положением в структуре конкури-

рующих экономических теорий; они в большой степени определяются теоретической традицией.

Правомерно ли говорить о категориальном аппарате, «языке» различных теорий как о несоизмеримом в принципе, о том, что между марксизмом, институционализмом и неоклассикой нет моста? Очевидно, это привело бы к утверждению, что исследователи, разрабатывающие «несоизмеримые» теории, не могут вступать в дискуссии. Такое общение возможно, но оно требует определенного согласия или компромисса, напоминающего предположения, которые делает лингвист-переводчик с одного языка на другой. Поэтому, вступая в дискуссии, исследователи не столько должны стремиться к взаимопониманию, сколько научиться говорить и мыслить на языке другой теории.

Взгляды А. И. Московского связаны с пониманием того, что «язык» науки — это то, что понимает ученый, принадлежащий к определенному научному сообществу, которое принимает теорию за основу своего мировоззрения или, в оригинальном понимании Т. Куна, парадигму научной работы. Следовательно, о самой несоизмеримости можно говорить только в случае сравнения «объемлющих», универсальных теорий.

Роль технологий в экономическом развитии

Один из важнейших посылов, с которым А. И. Московский регулярно обращался к своим коллегам, авторы этой статьи могли бы сформулировать так: «*Технология имеет значение!*». В современных условиях такая постановка вопроса выглядит едва ли не очевидной: исследование процессов цифровизации, перехода к «умному производству» и многое другое стало предметом пристального внимания очень широкого круга ученых. Однако следует принять во внимание, что содержательные, обращающиеся к фундаментальным вопросам экономической жизни, концептуальные исследования изменений в экономических отношениях и институтах под влиянием новых технологий остаются до сих пор весьма немногочисленными в рамках работ по микро- и макроэкономике в рамках основного течения. Такие работы в большинстве своем характерны для авторов, либо прямо относящих себя к институциональному направлению таких, например, как английский экономист Джефри Ходжсон (Ходжсон, 2001, с. 34), работы которого пристально исследовал А. И. Московский, либо близких к ним по своей методологии и основным подходам. К числу последних мы можем отнести подавляющее большинство исследователей информационного общества, общества знаний (Кастельс, 2000).

В работах Московского вопросы технологических основ экономики рассматриваются в тесном сопряжении с известным положением марксизма о производительных силах как детерминанте формирования определенного исторического типа производственных отношений, которые,

в свою очередь, оказывают активное обратное влияние на развитие производительных сил (Московский, 1975).

А. И. Московский, будучи блестящим знатоком марксизма, всегда акцентировал не совпадение, но тесную взаимосвязь исследований технологий в институционализме с исследованием производительных сил в марксизме. Последний предлагает в качестве детерминанта экономических отношений не просто технологии, но человека, определенным образом взаимодействующего со средствами производства в процессе общественного производства, причем рассматриваемого в единстве производства, распределения, обмена и потребления, в процессе воспроизводства. Для Маркса производительные силы не только детерминируют социально-экономические отношения (ручной труд и соответствующие средства производства лежат в основе натурального хозяйства и внеэкономического принуждения, машина и частичный работник как ее придаток становятся основой капитала и наемного труда), но и социально-экономические отношения формируют определенный тип, структуру и способы развития и средств производства, и работника. Так, капитал генерирует максимизацию материального богатства и рост стоимостных результатов производства, в частности, ВВП, одним из наиболее аргументированных критиков чего был Московский.

Развитие социальных ограничений и общественного регулирования рынка и капитала (тренды, прогрессивность которых так же акцентировалась Московским) видоизменяет этот тип роста, вводя экологические и другие параметры вплоть до требования перехода к модели устойчивого развития.

Институционализм обращает наиболее пристальное внимание именно на технологические процессы и их социально-экономические последствия, причем лежащие не только в сфере глубинных отношений, но и в пространстве конкретных форм экономических взаимодействий. «Для институционалистов, — подчеркивал А. И. Московский, — институты не есть просто правила игры, которые они сами устанавливают для себя, а скорее устойчивые объективные обстоятельства, формирующие образ жизни, привычки, обычаи» (Московский, 2005, с. 75). Отсюда гораздо более конкретные, практически-ориентированные результаты таких разработок.

Одним из таких результатов стало пристальное внимание представителей классического институционализма к проблеме деиндустриализации как фундаментальной угрозе экономике и обществу, ставшей реальностью в результате господства неолиберальной модели позднего капитализма. Особенно мощные негативные последствия этого испытала на себе российская экономика в 1990-е гг. К критике этой модели капитализма в работах А. И. Московского мы еще вернемся, а сейчас отметим, что этот ученый был среди первых и наиболее глубоких исследователей, которые не только подвергли критике процессы деиндустриализации, но и пока-

зали важность ориентации на реиндустриализацию экономики, продемонстрировав (на основе использования методологии классического институционализма и современного марксизма), что важнейшими средствами решения этой задачи могут стать стратегическое планирование и активная промышленная политика (Московский, 2010).

Подчеркнем, что эти тезисы активно развивает широкий круг российских ученых, чьи теоретические и методологические позиции в определенной степени близки классическому институционализму (Глазьев, 2014; Бодрунов, 2016; Гринберг, Рубинштейн, 2013).

Внимание Московского-теоретика к процессам собственно производства вкупе с опытом Московского-практика (напомним об опыте его работы на предприятиях в отделах труда и заработной платы) обусловило обращение ученого к проблемам труда и социальным аспектам экономического развития.

Креативность, труд и социальная справедливость как важнейшие сферы экономических исследований

А. И. Московский особое внимание в рамках как институционального, так и марксистского подхода уделял проблемам творческой, которую сегодня нередко называют (и переводят с английского языка) креативной деятельностью. Широко известны работы Р. Флориды: он и другие исследователи «креативного класса» рассматривают лишь внешние проявления творчества (креативности), измеряя количество креативных работников, их динамику в общей численности рабочей силы и в различных ее измерениях (Павлов, 2021). Но можно ли не только наблюдать динамику, но и создать условия для расширенного воспроизводства творческой деятельности? А. И. Московский на основе тщательного, скрупулезного анализа работ таких известных советских ученых как В. С. Библер (1975), Г. С. Батищев (1997), М. Бахтин (1962), Э. В. Ильенков (1984), А. Борисовский (1985) и др., зарубежных ученых, таких как Дж. Дьюи (2000), помимо институционального, еще и постиндустриального, нового индустриального и других направлений мысли (Павлов, 2020) пришел к выводу, что значимыми факторами для воспроизводства творчества (Павлов, 2019) являются факторы, признанные марксистским и институциональным направлениями экономической мысли: мышление и язык. В связи с этим А. И. Московский приводил в качестве примера искажение перевода книги П. Друкера на русский язык. В переводе книга была озаглавлена «Рынок: как выйти в лидеры» (Друкер, 1992), а на языке оригинала она называлась “Innovation and Entrepreneurship: Practice and Principles” (Drucker, 1985). Так же как «отрицательные темпы роста» (на самом деле — спад), «инвестор» (на самом деле, если занимается только перепродажей, без участия в управлении — спекулянт), «работодатель» (на самом деле,

присваивающий больше труда, чем отдающий в виде зарплаты — работополучатель), намеренное искажение экономической терминологии в угоду господствующим, но уже стремительно устаревающим экономическим институтам, не позволяет быстро продвигаться к новому, творческому, неизведанному.

Принципиально важно, что критика А. И. Московского была в высшей степени конструктивной. Он разрабатывал (и даже предлагал соответствующий спецкурс для студентов) по ТРИЗ — теории решения изобретательских задач, разработанной советским ученым Г. С. Альтшуллером и позволяющей повысить эффективность и результативность творческой деятельности в десятки раз. Согласно Г. С. Альтшуллеру, изобретательские задачи можно было формализовать, представив их в виде матрицы, состоящей примерно из 40 квадрантов (Альтшуллер, 2013). Ключевыми моментами были представление мышления не в виде отчужденного, т.е. не зависящего от воли человека процесса (снизоидет или не снизоидет «озарение», помогут ли «высшие силы» и т.п.), а в виде управляемого самим человеком процесса формализации, алгоритмизации, «мозгового штурма» и перебора вариантов (последние две составляющих — дополнительные, по ситуации) и формулирование изобретательской задачи на языке, позволяющем использовать описанную выше процедуру формализации. Таким образом, А. И. Московскому удалось найти решение и для внедрения теоретических разработок в практику экономики, реального производства.

Рассматривая прогресс технологий, исследователи отмечают влияние быстрого развития капитализма, соответственно — рынка и рыночных отношений со второй половины XVIII в., означавшего формирование развитой системы институтов капитализма. Промышленная революция, означавшая значительно возросшее применение машин в производстве, вызвала как бурный рост числа заводов и фабрик, так и развитие транспорта, сельского хозяйства, формированию промышленных городов. Произошел отказ от различных географических барьеров — внутренних пошлин, постов, таможен. Это способствовало трансформации финансовой, социальной, политической сфер, интенсивному развитию национального рынка. Всё это привело к кардинальному сдвигу в характере и социальном статусе труда. А. И. Московский считал, что в условиях индустриального капитализма труд превратился не просто в товар особого рода, хотя и также рыночный товар, как и все другие товары, но именовал его «фиктивным товаром», носителем которого является человеческая личность, но не независимая, а специально сформированная (и нередко довольно жестко — дисциплинарными практиками) с целью достижения максимально возможной производительности труда. Мы можем увидеть, что этика Канта, безусловно, также повлияла на исследования Московского.

Превращение труда в товар под названием «рабочая сила» также не обошлось без принуждения, насилия и социальных потрясений. Наиболее

ярко это проявилось в процессе, получившем название «огораживание» в Англии, когда крестьян массово сгоняли с их родной земли, а к непокорным применяли насилие, вплоть до физического уничтожения. Разоренные и обездоленные крестьяне превращались в покорную и дешевую «рабочую силу». При этом капиталисты получили настолько большую власть, что могли широко использовать многочасовой (по 12–14 часов, а иногда и более) труд не только мужчин, но и женщин, детей. Однако постепенно общество сформировало институциональные ограничения для защиты от бесконтрольной стихии свободного рынка и от опасностей, которые несла индустриальная организация производства, добившись изменений как в законодательстве в части охраны труда и социальных гарантий (запрет детского труда, ограничение продолжительности рабочего дня, различные компенсации утратившим работоспособность, улучшение условий труда и повышение размера зарплаты и другие меры), так и в контрактных отношениях между работниками и нанимателями, которые стали устанавливаться благодаря профсоюзам (Филатов, 2014).

Большой практический опыт позволил А. И. Московскому сформировать и отстаивать свою позицию в дискуссии о возможном «конце труда». На основе богатого профессионального опыта ученый, понимая не только теоретические, но и практические нюансы тенденций трансформации труда и технологий, был уверен в том, что переход к постиндустриальному обществу не означает полного демонтажа индустриальной системы и, соответственно, ее принципов, и что эпоха таких значимых институтов как огромные организации, предприятия, корпорации лишь частично уступает позиции новой эпохе, в которой знания и информация превращаются в ключевые ресурсы развития — как экономического, так и технологического, а кроме того, социального, но эпоха индустриальная еще не заканчивается. Таким образом, и характер труда, и отношения между работниками и нанимателями не претерпевают кардинальных трансформаций, в главных моментах оставаясь такими же, как и в индустриальной системе.

В то время как основные институты найма и организации труда меняются не кардинально, глубоким изменениям под влиянием нарастания знаниемкости (в классической политической экономии используется термин «сложность») труда подвержена система управления рабочей силой высокой квалификации. Здесь уместно провести параллель с трудами Дж. Ходжсона. Ученые, как это нередко бывает в науке, исследуя один и тот же феномен, пришли к схожим выводам: «Современные экономические системы характеризуются важнейшей долговременной тенденцией — прогрессом знаний и нарастанием сложности социально-экономической жизни. Растущая сложность порождает как социально-экономические, так и политические проблемы. Технологический прорыв их “снять” не в состоянии. Поэтому актуальны два альтернативных сценария дальнейшего развития общества в рамках данной тенденции: благо-

приятный, при котором возможности и способности людей безгранично расширяются, и неблагоприятный, при котором развитие сопровождается утратой способности к труду. Назовем их соответственно “сценарием прогресса знаний” и “сценарием деквалификации”» (Ходжсон, 2001, с. 33).

Но схожесть выводов не означает их буквальный повтор: Московский в своих исследованиях продвинулся дальше, и, полемизируя с Ходжсоном, находит, что «сценарий деквалификации» был выявлен еще раньше и охарактеризован в работах Маркса, считавшего этот сценарий следствием перехода не к постиндустриальной эпохе, а вообще к машинному производству, несущем в себе частичную замену квалификации рабочей силы и способностей человека возможностями машины. Под влиянием экстенсивного развития технологий — направленного не на увеличение созидательных возможностей человека, а на их замещение — этот сценарий стал проявляться в современности намного более отчетливо. Не только Маркс и Ходжсон, но и другие ученые отмечали замещение, а также вытеснение, подавление человека в его стремлении к знаниям более прогрессивными технологиями. Однако, по мнению Московского, при этом не произойдет полного вытеснения человеческого труда, и машины, искусственный интеллект не смогут полностью заменить человека в управлении производством. Таким образом «будущее без труда» — утопичная, а не реалистичная конструкция. Рассматривая эволюцию системы образования, ученый находил множество подтверждений своей позиции — увеличение сроков, охвата системы — как всего в целом, так и конкретно профессионального образования — наглядное свидетельство возрастания роли квалифицированного труда и социального заказа на него, поэтому нередко подвергал серьезной критике реформы образования, направленные на искусственное уменьшение образовательных возможностей.

Продолжая традиции А. И. Московского, следует сказать, что труд остается на значимых позициях в современном социуме. Разумеется, отмечается вектор трансформации труда в направлении от характерной для индустриальной системы обязанности, нередко очень тяжелой, к труду творческому, менее рутинному, а более свободному, направленному на большее проявление и воплощение способностей человека, самореализацию и максимально полное развитие в процессе труда.

Список литературы

- Альтшуллер, Г. С. (2013). *Найти идею: Введение в ТРИЗ — теорию решения изобретательских задач*. М.: Альпина Паблишер.
- Батищев, Г. С. (1997). *Введение в диалектику творчества*. СПб.: Изд-во РХГИ.
- Бахтин, М. (1962) *Проблемы поэтики Достоевского*. М.
- Библер, В. С. (1975). *Мышление как творчество*. М.: Политиздат.
- Бодрунов, С. Д. (2016). *Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка*. М.: Изд. 2-е, дополненное. СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте.

- Бодрунов, С. Д. (ред.) (2017). *Гэлбрейт: возвращение*. М.: Культурная революция.
- Борисовский, А. (1985). *Сухомлинский В. А.* Серия «Люди науки». М.: Просвещение.
- Бузгалин, А. В., Колганов, А. И., & Московский, А. И. (2012). Марксизм и институционализм: сравнительное исследование. *Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика*, 5, 3–18.
- Бузгалин, А. В. (2018). Поздний капитализм и его пределы: диалектика производительных сил и производственных отношений (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса). *Вопросы политической экономики*, 2, 10–38.
- Глазьев, С. Ю. (1990). *Экономическая теория технического развития*. М.: Наука.
- Глазьев, С. Ю. (2014). *Стратегические предпосылки модернизации и инновационного развития российской экономики*. М.: ГУУ.
- Гринберг, Р. С., & Рубинштейн, А. Я. (2013). *Индивидуум & Государство: экономическая дилемма*. М.: Весь Мир.
- Гэлбрейт, Дж. (1969). *Новое индустриальное общество*. М.: Прогресс.
- Гэлбрейт, Дж. К. (2008). *Новое индустриальное общество. Избранное*. Науч. ред. и сост. И. В. Филатов. М.: Эксмо.
- Друкер, П. (1992). *Рынок: как выйти в лидеры. Практика и принципы*. М.: Бук Чембер Интернэшнл.
- Дьюи, Д. (2000). *Демократия и образование*. М.: Педагогика-Пресс.
- Ильенков, Э. В. (1984). *Диалектическая логика. Очерки истории и теории*. М.: Политиздат.
- Иншаков, О. В. и др. (2005). *Homo institutus: человек институциональный*. Под ред. О. В. Иншакова. Волгоград: Изд-во ВолГУ.
- Кастельс, М. (2000). *Информационная эпоха: экономика, общество и культура*. Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ.
- Львов, Д. С. (1990). *Эффективное управление техническим развитием*. М.: Экономика.
- Московский, А. И. (1975). *Распределение по труду в системе категорий политической экономики социализма*: дис. ... канд. экон. наук. М.
- Московский, А. И. (1998). *О синтезе экономической теории К. Маркса и экономикс. «Капитал» и Экономикс*. М.: ТЕИС.
- Московский, А. И. (1999). *Диалог и синтез основных направлений современной теории — необходимые формы развития экономической науки*. Содержание, логика и структура современной экономической теории. М.: ТЕИС.
- Московский, А. И. (2002). *Институциональная экономика*. М.: ТЕИС.
- Московский, А. И. (2005). Пределы институционализма. *Экономист*, 6, 74–81.
- Московский, А. И. (2006). *От неоклассического мифа к мифу неинституциональному. «Капитал» и экономикс*. Вып. 2. М.: ТЕИС.
- Московский, А. И. (2010). *Нововведения: природа, источники, мотивация*. Рукопись.
- Московский, А. И. (2012). *Современные экономические институты*. М.: ТЕИС.
- Московский, А. И. (2018). Метод и теория марксистской политической экономики. *Вопросы политической экономики*, 2, 136–143.
- Нуреев, Р. М. (ред.) (2001). *Экономические субъекты постсоветской России*. М.: МОНФ.
- Павлов, М. Ю. (2019). Творческий потенциал человека: Вызов для современной экономической теории. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление*, 1, 11–16.

- Павлов, М. Ю. (2020). Ноономика, постиндустриальная экономика и индустрия 4.0: что общего и что различного? *Экономическое возрождение России*, 2, 152–162.
- Павлов, М. Ю. (2021). О методологических аспектах определения креативного класса на основе содержания труда. *Философия хозяйства*, 3, 65–73.
- Поппер, К. (1983). *Миф концептуального каркаса*. Поппер, К. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс.
- Рязанов, В. Т. (2017). «Капитал» К. Маркса и современный капитализм: возможности и преимущества политэкономического синтеза. *Вопросы политической экономики*, 4, 10–29.
- Филатов, И. В. (2014). Номо faber в его истории. *Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика*, 1, 37–56.
- Флорида, Р. (2005). *Креативный класс: люди, которые меняют будущее*. М.: Классика-XXI.
- Ходжсон, Дж. (2001). Социально-экономические последствия прогресса знаний и нарастания сложности. *Вопросы экономики*, 8, 32–45.
- Цаголов, Н. А. (ред.) (1973). *Курс политической экономики*. В 2 т. 3-е изд. М.: Экономика.
- Drucker, P. (1985). *Innovation and Enterpreunership: Practice and Principles*. NY: Harper & Row.

References

- Altshuller, G. S. (2013). *Find an idea: Introduction to TRIZ — the theory of inventive problems solving*. Moscow: Alpina Publisher.
- Batishchev, G. S. (1997). *Introduction to the dialectic of creativity*. St. Petersburg: RKHI Publishing House.
- Bakhtin, M. (1962). *Problems of Dostoevsky poetics*. Moscow.
- Bybler, V. S. (1975). *Thinking as creativity*. Moscow: Politizdat.
- Bodrunov, S. D. (2016). *The coming of New industrial society: reboot*. 2nd ed., supplemented. St. Petersburg: INIR named after S.Yu. Witte.
- Bodrunov, S. D. (ed.) (2017). *Galbraith: the Return*. Moscow: Cultural revolution.
- Borisovsky, A. (1985). *Sukhomlinsky V.A. Series "People of Science"*. Moscow: Enlightenment.
- Buzgalin, A. V., Kolganov, A. I., & Moskovskiy A. I. (2012). Marxism and institutionalism: a comparative study. *Bulletin of Moscow University. Ser. 6. Economics*, 5, 3–18.
- Buzgalin, A. V. (2018). Late capitalism and its limits: the dialectics of productive forces and industrial relations (on the 200th anniversary of the birth of Karl Marx). *Problems in political economy*, 2, 10–38.
- Glazyev, S. Yu. (2014). *Strategic prerequisites for modernization and innovative development of the Russian economy*. Moscow: GUU.
- Glazyev, S. Yu. (1990). *Economic theory of technical development*. Moscow: Science.
- Greenberg, R. S., & Rubinstein, A. Ya. (2013). *Individual & State: economic dilemma*. Moscow: The whole world.
- Galbraith, J. (1969). *New Industrial Society*. Moscow: Progress.
- Galbraith, J. C. (2008). *New Industrial Society. Selected works*. Scientific editor and compiler Filatov, I. V. Moscow: Eksmo.
- Ilyenkov, E. V. (1984). *Dialectical logic. Essays on history and theory*. Moscow: Politizdat.
- Drucker, P. (1992). *Market: how to lead. Practices and principles*. Moscow: Beech Chamber International.

- Dewey, J. (2000). *Democracy and Education*. Moscow: Pedagogy-Press.
- Inshakov, O. V. et al. (2005). *Homo institutius: an institutional man*. Edit. Volgograd: Publishing House of the Volga State University.
- Castels, M. (2000). *Information Age: Economics, Society and Culture*. Translation from English. Scientific edit. O. I. Shkaratan. Moscow: HSE GU.
- Lvov, D. S. (1990). *Effective management of technical development*. Moscow: Economy.
- Moskovskiy, A. I. (1975). Distribution by labor in the system of socialism political economy categories: thesis ... Candidate of Economics. Moscow.
- Moskovskiy, A. I. (1998). *On the synthesis of economic theory by K. Marx and economics*. "Capital" and Economics. Moscow: TEIS.
- Moskovskiy, A. I. (1999). *Dialogue and synthesis of the main directions of modern theory are the necessary forms of development of economic science*. Content, logic and structure of modern economic theory. Moscow: TEIS.
- Moskovskiy, A. I. (2002). *Institutional economy*. Moscow: TEIS.
- Moskovskiy, A. I. (2005). Limits of Institutionalism. *Economist*, 6, 74–81.
- Moskovskiy, A. I. (2006). *From neoclassical myth to neo-institutional myth*. "Capital" and economics. Vol. 2. Moscow: TEIS.
- Moskovskiy, A. I. (2010). *Innovations: nature, sources, motivation*. Manuscript.
- Moskovskiy, A. I. (2012). *Modern economic institutions*. Moscow: TEIS.
- Moskovskiy, A. I. (2018). Method and theory of Marxist political economy. *Problems in political economy*, 2, 136–143.
- Nureyev, R. M. (ed.) (2001). *Economic subjects of post-Soviet Russia*. M.: MONF.
- Pavlov, M. Yu. (2021). On the methodological aspects of determining the creative class based on the content of labor. *Philosophy of economy*, 3, 65–73.
- Pavlov, M. Yu. (2020). Noonomy, post-industrial economy and industry 4.0: what is common and what are different? *Economic revival of Russia*, 2, 152–162.
- Pavlov, M. Yu. (2019). Creative potential of human: A challenge for modern economic theory. *Bulletin of Voronezh State University. Series: Economics and Management*, 1, 11–16.
- Popper, K. (1983). *Conceptual framework myth*. Popper K. Logic and growth of scientific knowledge. Moscow: Progress.
- Ryazanov, V. T. (2017). "Capital" by K. Marx and modern capitalism: the possibilities and advantages of political economic synthesis. *Problems in political economy*, 4, 10–29.
- Filatov, I. V. (2014). Homo faber in its history. *Bulletin of Moscow University. Ser. 6. Economics*, 1, 37–56.
- Florida, R. (2005). *Creative Class: People Who Change the Future*. Moscow: Classic-XXI.
- Hodgson, J. (2001). Socio-economic implications of knowledge progress and increasing complexity. *Voprosy ekonomiki*, 8, 32–45.
- Tsagolov, N. A. (ed.) (1973). *Course of political economy*. In 2 vols. 3rd ed. Moscow: Economy.
- Drucker, P. (1985). *Innovation and Enterpreunership: Practice and Principles*. NY: Harper & Row.